

М.В. Рендл, кандидат философских наук, доцент

Южно-Российский Государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, Новочеркасск (Россия)

Ключевые слова: постмодерн; симулякр; постнеклассическая научная рациональность.

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме осмысления постмодерна как парадигмального философского явления. Фундаментальную роль в становлении социокультурных характеристик постмодерна сыграл Ж.Бодрийяр и его теория симулякров. Данная концепция позволяет подойти к проблеме современной реальности с теоретических метапозиций, и обосновать статус постмодерна как доминантного явления в постнеклассической научной картине мира.

Ситуация постмодерна доминирует повсюду: в культуре, в философии, в обществе. Можно ментально отвергать это явление, но отказаться от него, или же признать его ограниченность уже не представляется возможным. Мы вошли в новую эпоху, – эпоху гетерогенности, фрагментарности и динамичности. Объяснение эволюции и прогнозирование путей развития универсума окончательно переносится в мультидисциплинарную плоскость. Постнеклассическая наука и постмодерн предлагают, пожалуй, самую масштабную и актуальную альтернативу объяснения фундаментальных законов реальности. С одной стороны, это предполагает глубокую эрозию классического онтологического, философского, ценностного детерминизма. С другой – необычайно перспективное включение в научный поиск множества факторов, выносимых ранее на периферию.

В соотношении с постнеклассической научной рациональностью постмодерн не может быть оценен исключительно как культурный аффект – это, по мнению современных ученых, полностью новая социальная эпоха, направленная формирование инновационного подхода во всех областях, «тотальная фрагментарность социума, новая форма социального империализма» [1, с. 33]. Новое состояние общества нуждается в новой истории, в новой теории, которая это общество отражает. Мир балансирует между нейтральностью когнитивных установок, и их тотальным отрицанием, которое также утверждается как норма. Для того чтобы понять все эти связи и следствия, необходимо радикально изменить методологию познания мира, переключить концепции и убеждения, отказаться от эпистемологических шаблонов.

Постмодерн активно демонстрирует когнитивный сдвиг фокуса исследования от универсализма к плюрализму. Больше нет некой конкретной реальности, которую надо адекватно отображать в науке. Есть множество реальностей, сливающихся в один полифонический фон. Традиционный для философии вопрос о сущности истины трансформируется в парадокс фиктивности абсолютной истины как явления. Классические вопросы науки о возможности прогресса, достоверности эмпирических знаний, объективности и общезначимости полученных результатов исчезают постмодерне. На смену им возникают новые задачи философского анализа: какое место занимает в познании универсума виртуальная реальность? Есть ли логика в бесконечном многообразии итераций бытия? Какова роль случайности в гносеологическом поиске?

Осмысливая основные положения постмодерна, в корреляции с постнеклассической наукой мы получа-

ем своеобразную карту современности. Методология современной науки не ограничена социальной рефлексией, – скорее, она выстраивается над социальной теорией. Вместе с тем, несомненно, постмодерн может существовать успешно и пониматься как парадигма при только условии генерации социально-научного дискурса с теоретическими аспектами современности в разных направлениях.

Опираясь категориальным аппаратом постмодерна, можно сказать, что из культурной среды хаос проник в социальную и научную среду. Множество реальностей преобладает над единой объективной сущностью. В отношении бытия социальных процессов данное положение может быть выделено как центральный пункт, из которого нужно исходить в исследовании пространства современности. И наиболее успешно подобный анализ был проведен французским философом Ж. Бодрийяром.

Жан Бодрийяр по праву считается одним из ведущих теоретиков постмодерна. Вызывая неоднозначный отклик у консервативной аудитории, он, тем не менее, заслужил редкую репутацию как критика современности, так и ее культового идеолога. Находясь в идейном авангарде постмодерна, Бодрийяр оценивается творческой элитой как его гуру, что, несомненно, не в последнюю очередь связано с чрезвычайной провокативностью и метафоричностью его текстов. Тем не менее, в большинстве из них мгновенно угадывается специфический стиль мышления, и чисто «постмодернистская» логика изложения материала, что делает мыслителя наиболее популярным и узнаваемым среди плеяды современных авторов.

Творческая эволюция научной методологии Бодрийяра совпала с геометрической прогрессией развития информационного общества, что обусловило чрезвычайную актуальность взглядов философа, дескриптивно анализирующего конкретные события человеческой истории. Его личностное развитие началось с социальной теории и завершилось детальной разработкой активных предикатов постмодернистской картины мира

Исследовательский уклон большинства трудов Ж. Бодрийяра направлен в сторону бытия социальных процессов, что зачастую вызывает неверные упреки в его исключительно социологической ориентированности. Между тем, социальный контекст неоспоримо важен для философского анализа. В частности, социальная теория использует аналогии, которые помогают нам объяснить содержание различных идей и концепций сквозь призму исторического развития. Это позволяет воссоздать относительно четкие рамки для современной

реальности, и сузить круг ее сущностных интерпретаций. Теоретическое обоснование онтологии также может быть найдено в социальном контексте, а именно в обнаружении социальных диспозиций, и, исходя из этого, работы Бодрийяра имеют столь высокую философскую значимость.

Состояние постмодерна сделало рациональность и рационального субъекта фикцией. Бодрийяр создает концептуальную трансцендентную систему, описывающую данную ситуацию. Центральным понятием этой схемы, равно как ее и связующим мультиконцептом, является понятие симулякра.

Симулякр у Бодрийяра может быть определен как специфическая форма реальности, существующая сама по себе вне зависимости от своего исходного образца. Принцип симуляции оказывает концептуальное влияние на все сферы бытия, формируя их полную оторванность и эпистемологическую изолированность от каких-бы то ни было эмпирических основ. Это порождает особый парадигмальный тип поведения объектов, впервые в истории человечества не имеющий никакой предметной соотнесенности с устойчивыми структурами окружающей человека реальности. Как отмечает Грицанов А.А., «Бодрийяр перенес свой подход в область чистой онтологии для описания современной социальной реальности. По его мнению, действительность уже давно вырабатывает самостоятельные, независимые от исходных трансцендентных образцов симулякры и все больше формирует из них жизненную среду современного человека» [2, с. 74]. Таким образом, симуляция представляет собой глобальное явление, достигающее апогея развития в совпадении объективной действительности с симулятивными моделями, с последующим исчезновением реальности как таковой.

Французский философ трактует симулякр как продукт виртуальной реальности, открывающей познающему сознанию свои метаэмпирические хроники. В процессе симуляции происходит отмена принципа объективности и порождение пустых знаковых конструкций. Это соотносится с некоторыми положениями структурализма, полагающего в основе когнитивной деятельности глубинные структуры, предшествующие познанию. Концепция Бодрийяра абсолютно созвучна общему тренду постмодерна, не оставляющему реальности никаких шансов на существование. В силу этого большая часть доступной человеку социальной деятельности описывается в категориях ирреального, не просто замещающего бытие или же его отрицающего, а становящегося новым бытием. Последнее складывается из семиотических игр, мира симулякров.

В работе «Символический обмен и смерть» [3] им выделяется несколько стадий эволюции симулякра, соответствующих определенным периодам развития общества. Эта эволюция начинается с эпохи Возрождения, и происходит параллельно изменениям в структуре социума, а именно изменениям принципа потребления, обозначенного Бодрийяром как законы естественной ценности, рыночной стоимости и структурной ценности. В отношении динамики принципа потребления он выделяет три порядка смены симулякров: подделка как «господствующий тип классической эпохи, от Возрождения до промышленной революции», производство

как «господствующий тип промышленной эпохи» и симуляция как «господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом» [3, с. 109].

Появление подделок, по мнению Бодрийяра, обусловлено социальным прогрессом экономических отношений, когда происходит плавная отмена феодального строя и активное формирование вкупе с последующей интеграцией в экономику буржуазно-капиталистических моделей. Вследствие этого возникает необходимость в «дешифровании» сакральной сущности предметов и их знаков как символов социальной стратификации. Знак становится общедоступным, и начинает терять свое условно-символическое значение. Как отмечает ученый, происходит как бы расколдовывание мира, в котором подделка выполняет одну из главных отрицательных ролей: «Подделка – это переход от ограниченного числа знаков, «свободное» производство которых находится под запретом, к массовому распространению знаков согласно спросу. Но такой умножаемый знак уже не имеет ничего общего со знаком обязательным, ограниченно распространяемым: он подделывается под него – не путем извращения «оригинала», а путем расширительного употребления материала, чья ясность была всецело обусловлена его принудительной ограниченностью» [3, с. 115]. Знак по инерции рассматривается как выполняющий метрические функции материальной сигнификации, будучи уже полностью деквалифицированным по отношению к означаемому. Эта ситуация, в соответствии с логикой Бодрийяра, разворачивается в Новое время, и описывается им как процесс десигнации. На данной стадии легко выделить смысловую разницу между симулякрами первого и второго порядка. Она определяется исследователем следующим образом: «В симулякре первого порядка отличие никогда не отменяется: в нем всегда предполагается возможность спора между симулякром и реальностью (их игра достигает особой тонкости в иллюзионистской живописи, но и вообще все искусство живет благодаря зазору между ними). В симулякре же второго порядка проблема упрощена путем поглощения видимостей – или же, если угодно, ликвидации реальности» [3, с. 120]. Таким образом, если перенести эту схему в социально-историческую практику, то можно сказать, что символическое равновесие представлено в эпохе премодерна [4]. Общество Традиции организовано как зафиксированная система знаков, используемая в соответствии с четким сводом регламентированных норм. Вопрос о сущности реальности не является актуальным: ответ на этот вопрос уже заключен в самом порядке структурно-знаковых отношений, в самой идеи гармоничного устройства универсума, управляемого высшими силами. Искусство призвано отображать этот порядок, как и наука. Именно поэтому наука в ее современном понимании практически не развивается, в этом нет необходимости, знак и означаемое являют собой единую, максимальную полноту бытия.

Первый порядок симулякров охватывает период от эпохи Возрождения до индустриальной революции, так называемый ранний модерн. С этого момента начинается «соревнование» знаков. Знак начинает не отображать, а скрывать реальность. Это проявляется наиболее ярко также в искусстве, которое становится маской, гротескной ширмой, за которой скрывается истина.

Затем приходит время второго порядка симулякров, существующего вплоть до начала XX века. С индустриальной революцией и окончательным переходом от традиционного общества к обществу модерна происходит резкое возведение производства в степень семантического господства не только в материальной, но и духовной сфере. Принцип серийности проникает в культуру, порождая новый тип знаковой коммуникации. Бодрийяр утверждает, что в это время возникает новое поколение вещей (и, соответственно, отношений между ними), для которых более не применим предикат уникальности и эмпирической исключительности: «Это знаки без кастовой традиции, никогда не знавшие статусных ограничений, – а стало быть, их и не приходится больше подделывать, так как они изначально производятся в огромных масштабах... Это и есть серийность, то есть самая возможность двух идентичных объектов. Отношение между ними – это уже не отношение оригинала и подделки, не аналогия или отражение, а эквивалентность, неотличимость» [3, с. 121]. Вещи становятся симулякрами, и окончательно утрачивают символическую идентичность. Происходит нивелирование дифференциальных уровней состояния вещей, которое являлось изначально им присущим. Возникает приставка «квази», которая характеризует глобальную утрату предметами собственной ценности: онтологически заявленная атрибутика вещи перестает быть соотносимой с идейным контентом. Серийное воспроизводство возводит вещи на уровень самовоспроизводства без функциональной на то необходимости. Искусство уже не маскирует реальность – оно маскирует ее отсутствие. Несмотря на это, порядок вещей все еще сохраняет видимую эмпирическую значимость, ориентацию на телеологию предмета, на практическое следование природной «конституции» вещи.

На третьем уровне симулякров адекватность соотношения «сущность-форма» окончательно утрачивается. Телеологизм вещи тонет в многообразии ее повторений. Как пишет сам Ж. Бодрийяр, «Это уже не подделка оригинала, как в симулякрах первого порядка, но и не чистая серийность, как в симулякрах второго порядка; здесь все формы выводятся из моделей путем модулирования отличий. Смысл имеет только соотношение с моделью, и все теперь не происходит согласно собственной целенаправленности, а выводится из модели, из «референтного означающего», образующего как бы опережающую целевую установку и единственный фактор правдоподобия. Перед нами симуляция в современном смысле слова» [3, с. 124]. То есть, если на первых двух уровнях остался шанс проследить взаимосвязь идеи вещи с ее эмпирическим статусом, третий уровень порядка симулякров такой возможности не дает. Это, по аналогии с первыми двумя порядками симулякров, затрагивает все сферы социума, включая культуру и искусство. Последнее теряет любую малейшую связь с реальностью, окончательно погружаясь в символическую пустоту разрушенных архетипических связей.

Люди, по мнению Ж. Бодрийяра, подвержены сходным с вещами процессам утраты личной идентичности. Современность, а именно третья стадия эволюции си-

мулякров, демонстрирует бесконечно растущую шкалу искусственно созданных потребностей. Эти автореферентные, продуцирующие самих себя артефакты замещают символическую натуру, архетипичность персональности, уравнивая личность человека с продуктами массового производства.

Впрочем, некоторые исследователи указывают на то, что симулякр не является полностью негативным явлением. Это двойное отрицание (отрицание как самой модели, так и ее копий), содержащее в себе автономный потенциал к существованию. Симулякр выполняет роль формы без содержания, некоей рамки, которая может быть универсально использована для любого искусственного конструкта. Как пишет Кирюшин А.Н., «Сегодня же, по мнению большинства мыслителей-постмодернистов, реальность симулякров и составляет подлинную жизнь... Симулякр означает разрыв означающего и означаемого, власть означающего, не имеющего означаемого. Но это не пустой знак, это – знак, способный самостоятельно создавать и наполнять жизнью собственное означающее» [5, с. 18]. Таким образом, это модель реальности широкого спектра применения, единственным отличительным свойством которой выступает полная от этой реальности изолированность. В любом случае, Бодрийяр в свойственной ему специфической терминологии зафиксировал очевидный факт изменения онтологического и гносеологического инструментария, пришедшего с эпохой постмодерна. Оценивать эти изменения можно с разных ракурсов. Тем не менее, рассмотрение позитивной силы симулякра в отношении процессов постнеклассического знания является, безусловно, чрезвычайно актуальной и перспективной темой.

Следуя логике Бодрийяра, можно предположить, что целью мыслителя было показать эволюцию происхождения симулякров в сферу бытия духовных процессов, некий скачок от материально-очевидного к глубинным внутренним моментам человеческой персональности. Произшедший, в соответствии с идеей «Символического обмена и смерти», трансфер симулякров из сферы производства в сферу социальной коммуникации должен продемонстрировать масштабность этого события, его глобальную суперпозицию в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Powell J., Owen T. *Reconstructing Postmodernism: Critical Debates* / New York: Nova Science Publishers, Inc., 2013. – 200 с.
2. Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр. / Мн.: Книжный дом, 2008. – 256 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2011. – 392 с.
4. Любченко В.С. Человек в обществе Модерна: монография. / ЮРГТУ(НПИ). – Новочеркасск: Лик, 2013. – 298 с.
5. Кирюшин А.Н., Асташова А.Н. Идея симулякра в понимании виртуального: от Платона к постмодернизму. // Гуманитарные научные исследования. – Август, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/08/1593> (09.09.2013)

JEAN BAUDRILLARD AS A LEADING THEORIST OF POST-MODERN

© 2014

M.V. Rendl, Ph.D. of philosophy, associate professor of the chair «Philosophy and the law»
South-Russian State Technical University (NPI) by M.I. Platov, Novocherkassk (Russia)

Keywords: postmodern; simulacrum; postnonclassical scientific rationality.

Annotation: The article is devoted to the interpretation of the postmodern paradigm as a philosophical phenomenon. A fundamental role in the development of social and cultural characteristics of the postmodern is made by Jean Baudrillard and in his theory of simulacrum. This concept allows to approach the problem with the modern reality of theoretical meta-position, and justify the status of postmodernism as a dominant phenomenon in the postnonclassical scientific rationality.